

Цзи Чжичэн потёр во второй раз пострадавшее плечо:

— Какая же ты грубая девчонка, смотри так и не выйдешь замуж.

— Хм, не выйду и не надо! А ты, взрослый мужчина, такая мелочная бяка, так и оставайся холостяком! — Сяо Яньцзы сердито зашагала прочь, у неё больше не было настроения глазеть по сторонам.

Чуньюй и Манчжун облегчённо выдохнули — ну и задачка же выпала на их долю!

Глава девятая. Встреча Сяо Яньцзы и Цзывэй

— Цзывэй, Цзиньсо, Лю Цин, Лю Хун, матушка Сунь, Сяохуцзы, это я, Сяо Яньцзы, вернулась! — закричала Сяо Яньцзы, едва дойдя до ворот трущоб. Её ещё не успели заметить, зато всю услышали.

— Сяо Яньцзы, неужели это ты? — Услышав голос Сяо Яньцзы, Цзывэй тут же бросила вышивальный станок и, приподняв подол юбки, побежала во двор.

— Ах, Цзывэй! Я, Сяо Яньцзы, так по тебе скучала, просто жизни без тебя не представляла! — Сяо Яньцзы пробежала ещё несколько шагов и крепко обняла Цзывэй.

— Да-да-да, я тоже по тебе скучала, безумно скучала! Слышала, тебя схватили как убийцу... Ты даже не представляешь, как я переживала все эти дни, просто с ума сходила. Сяо Яньцзы, твои раны зажили? — Большие глаза Цзывэй снова заволокло влажной дымкой. Если бы с Сяо Яньцзы что-то случилось, она бы не смогла найти покоя до конца своих дней.

— Ну всё, Цзывэй, видишь, я в полном порядке. Я же Сяо Яньцзы — женщина-рыцарь, я ведь и тигра в горах могу одолеть! — Сяо Яньцзы отпустила Цзывэй и с самым серьёзным видом похлопала себя по груди.

Ой-ой, кажется, больновато... Сяо Яньцзы случайно потревожила рану, и её скривившееся лицо заставило Цзывэй встревожиться ещё сильнее.

— Барышня, потише, у вас ведь ещё раны не зажили, — с заботливым видом произнесла стоявшая рядом Манчжун.

— Ах да, Цзывэй, это Чуньюй и Манчжун, старшие дворцовые служанки Императрицы. Это они проводили меня из ворот дворца.

Цзывэй вежливо кивнула обеим девушкам. Те сразу обратили внимание, что внешность у этой молодой женщины весьма незаурядная, а каждое движение выдаёт благородное

происхождение. Наверное, это и есть та самая настоящая принцесса.

— Сяо Яньцзы, Цзывэй, чего застыли, заходите скорее в дом. И позвольте этим двум девушкам поставить вещи, — донёсся голос Лю Хун.

— Ладно, Лю Хун! Ты что, подслушивала, о чём мы с Цзывэй говорили? Ну как, вы с Лю Цином и Цзиньсо соскучились по мне, по Сяо Яньцзы — женщине-рыцарю?

— Соскучились, соскучились, разбойница ты такая! Заходи давай, в комнате поговорим. — Лю Хун и Лю Цин тоже забрали у Чуньюй и Манчжун корзины с едой и поставили их на стол в главной комнате. Все дружной и весёлой толпой направились внутрь.

Цзиньсо тоже подбежала и обняла Сяо Яньцзы. В своё время именно она подбила Сяо Яньцзы отправиться передать письмо барышне, и если бы Сяо Яньцзы не вернулась целой и невредимой, на её совести остался бы тяжкий грех. К счастью, подруга была цела, и у неё отлегло от сердца.

Едва переступив порог, Цзиньсо порывисто принялась расстёгивать одежду Сяо Яньцзы.

— Сяо Яньцзы, дай скорее взгляну, сильно ли тебя ранили?

Сяо Яньцзы судорожно прикрыла грудь руками:

— Цзиньсо, как бы простодушно и бесцеремонно я себя ни вела, я всё-таки взрослая девушка, а тут посторонний человек! — Говоря это, она перевела взгляд на Лю Цина.

Лю Цин с неестественным выражением лица повернулся и зашагал к выходу:

— Кхе-кхе, я сию же минуту уйду, продолжайте. — С этими словами он ещё и заботливо прикрыл за собой дверь.

— Сяо Яньцзы, теперь в комнате чужих нет, дай я посмотрю. — Цзиньсо распахнула ворот одежды Сяо Яньцзы. На фоне ярко-красного нагрудника кожа Сяо Яньцзы казалась белоснежной, но прямо посередине груди красовался глубокий шрам — он уже почти затянулся, покрывшись толстой корочкой.

В носу у Цзиньсо защемило, а взглянув на Цзывэй, она увидела, что та уже заливается слезами.

— Сяо Яньцзы, какая же у тебя страшная, ужасная рана! Наверное, было дико больно? — Тонкие пальцы Цзывэй нежно коснулись груди Сяо Яньцзы, едва касаясь, она даже не смела давить, боясь причинить боль.

— Ой, Цзывэй, Цзиньсо, хватит плакать! Разве вы не видите, что Сяо Яньцзы теперь в полном порядке? Даже сама Императрица сказала, что меня ждёт великое благополучие.

— Да-да-да, Сяо Яньцзы, расскажи нам скорее, как там во дворце! — подала голос Лю Хун.

Внимание Цзывэй и Цзиньсо переключилось, и Сяо Яньцзы принялась рассказывать во всех подробностях: как в неё попала стрела и как её доставили во дворец, как она открыла Императору правду о происхождении Цзывэй, и как заботливо отнеслись к ней Императрица и Консорт Лин. Ни единой детали не утаила от друзей.

Слушая, как Сяо Яньцзы подстрелили из лука, Цзывэй чувствовала, будто её сердце колют иглами; но когда та рассказывала, как благосклонно к ней отнеслись во дворце, на душе становилось немного теплее.

Прошло уже почти десять дней с тех пор, как тот самый господин Фу навещался в трущобы с вестями, и сказать, что Цзывэй совсем не волновалась, было бы неправдой. Но видя, что Сяо Яньцзы неплохо устроилась во дворце, она думала, что, пожалуй, и в сердце Императора нашлось место для неё, его дочери.

— Сяо Яньцзы, надо же, какие во дворце высокие особы простые в общении! Такие заботливые и добрые, ну совсем как матушка Сунь, — изумленно воскликнула Цзиньсо.

— Тоже мне сравнила! То дворцовые госпожи, существа неземной красоты, а я — простая простолюдинка, как мне с ними тягаться, — произнесли матушка Сунь и Сяохуцзы, заходя с улицы.

— Матушка Сунь, Сяохуцзы, вы вернулись! Сяо Яньцзы так по вам скучала! — радостно погладила Сяохуцзы по голове Сяо Яньцзы и даже ущипнула его за щёчки.

— Сестрица Сяо Яньцзы, не трогай меня за голову, матушка говорит, от этого перестаешь расти! — Сяохуцзы покраснел, но был безумно рад возвращению сестрицы Сяо Яньцзы.

— Ладно-ладно, не буду трогать. Кстати, народ, в этот раз Императрица передала для всех вас столько подарков! Подойдите скорее, посмотрите. — Сяо Яньцзы развязала узел на свёртке.

— Это редкое издание руководства по мечу для Лю Цина, румяна для Лю Хун и Цзиньсо, заколка для волос для Цзывэй, наколенники для матушки Сунь, а для Сяохуцзы...

Сяо Яньцзы раздала всем подарки, и те были глубоко потрясены. О небеса, да это же дары самой Императрицы! Их вполне можно было передавать из поколения в поколение как фамильную реликвию. Лю Цин же так накрепко прижал книгу меча к груди, будто боялся, что её кто-нибудь отнимет.

— Ой, чуть не забыла, в этой корзине ещё столько всякой выпечки! Очень вкусной, давайте попробуем. — Сяо Яньцзы открыла корзину, и комнату тут же заполнил неповторимый сладковатый аромат сдобы. У всех тут же разыгрался аппетит, и домашние обступили угощение со всех сторон.

Лишь Цзывэй продолжала стоять на прежнем месте, застыв и рассеянно поглаживая подаренную заколку. Цветки сирени на украшении были миниатюрными и изящными, лепестки — тонкими, многослойными, а цвета — яркими и живыми. Каждая веточка казалась настолько настоящей, будто можно было уловить исходящий от неё лёгкий цветочный аромат.

Цзывэй переполняла искренняя благодарность. Она была абсолютно чужим человеком для Императрицы, а та проявила к ней столько заботы и внимания — от этого на глаза наворачивались слёзы.

— Цзывэй, чего ты застыла, иди скорее попробуй, — потянула её за руку Сяо Яньцзы.

— Мм, во рту тает, свежо и сладко, но не приторно. Мастер, что пёк эти сладости, и правда превозражден, — лицо Цзывэй просияло. Она сама любила стряпать сладости, но её мастерство всё же уступало умению этого кондитера.

— Ещё бы, Цзывэй! Это же приготовила нянька Жун, её стряпня просто несравненна! — похвасталась Сяо Яньцзы.

Наступила ночь. Сяо Яньцзы не стала возвращаться во дворец с Чуньюй и Манчжун, а осталась ночевать в трущобах вместе с Цзывэй.

Укутавшись в одно одеяло на двоих, девушки лежали рядышком. Цзывэй слушала щебетание Сяо Яньцзы о дворцовых забавах и втайне тоже мечтала всё это увидеть. Подруги проболтали до глубокой ночи, пока не сморились от сна, и так и заснули в объятиях друг друга.

Глава десятая. Бесценная жемчужина

Тем временем в Зале Успокоения Сердца Фу Линъань, мчавшийся во весь опор, вернулся в столицу и докладывал Цяньлуну о результатах своего расследования.

— Ты хочешь сказать, что Цзывэй действительно моя дочь от Юйхэ?

Фу Линъань ответил:

— Ваш покорный слуга разыскал дядю с тётей барышни Цзывэй по материнской линии, а также повитуху, принимавшую роды у Сяо Юйхэ. Барышня Цзывэй родилась второго числа восьмого месяца года жэньсюй, что как раз совпадает по времени с тайным выездом Вашего Величества за пределы столицы. Барышня Цзывэй действительно является вашим кровным

ребёнком, Император.

Цяньлун был глубоко взволнован, его переполняли самые разные чувства. В те годы во время поездки в Цзинань у него и вправду был незабываемый роман с Юйхэ. И хотя теперь Юйхэ уже не было в живых, она оставила ему столь великий дар. Цзывэй наверняка была подарком, посланным ему небесами.

— Девочка Цзывэй столько натерпелась! Кто бы мог подумать, что у меня и в самом деле растёт затерянная в народе жемчужина.

Фу Линъань почтительно произнёс:

— Мудрость Императора безгранична. Барышня Цзывэй образованна, воспитана, нежна и добра — поистине великое благословение для Вашего Величества.

Цяньлун вовсе сиял от радости:

— Отлично! Линъань, на сей раз ты сослужил великую службу, я непременно щедро награжу тебя!

— Благодарю Ваше Величество! Разделять заботы и тревоги государя — долг Вашего покорного слуги. Я не смею считать это заслугой и просить о награде, у меня есть лишь одна маленькая просьба о милости.

— Ха-ха-ха, Линъань, уж не приглянулась ли тебе какая-то девица, раз ты просишь меня пожаловать вам брак? Тебе ведь уже двадцать один год, пора бы и о женитьбе подумать! — Цяньлун погладил бороду, в нём снова проснулась склонность выступать в роли свата.

В глазах Фу Линъаня мелькнула тень, а в груди защемило. Он торопливо опустил на колени:

— Император, у вашего слуги нет на примете возлюбленной. Но я прошу Ваше Величество не устраивать мою судьбу насильно: в этой жизни я желаю лишь встретить ту единственную, что похитит моё сердце, и пройти с ней рука об руку до конца дней. Умоляю Ваше Величество удовлетворить мою просьбу! — С этими словами Фу Линъань низко поклонился, ударившись лбом о пол.

— Ах ты... Издай я такой указ, боюсь, твой отец явится во дворец трепать мне нервы, — Цяньлун посмотрел на стоящего на коленях Фу Линъаня. В чистом взгляде юноши ещё угадывались черты покойной Императрицы Сяосянь. Этот племянник Жунъинь больше всего походил на неё.

Цяньлун вздохнул:

— Я разрешаю. Будем надеяться, что твой отец не придёт ко мне плакаться.

— Благодарю Ваше Величество! Да здравствует Император, десятилетия ему, долгие лета! — Фу Линъань отвесил Цяньлуну ещё несколько усердных поклонов. По крайней мере, теперь отец с матушкой перестанут пилить его насчёт женитьбы.

На самом деле, у Фу Линъаня была на примете девушка, вот только в сердце той уже жил другой, а он никогда не желал довольствоваться малым и идти на компромиссы.

Слушая звучные удары лба о пол, Цяньлун невольно цыкнул языком: до чего же этот парнишка Линъань прямолинейный!

— Ладно, мне ещё нужно навестить Императрицу, так что задерживать тебя на обед не буду. Ты ведь отсутствовал дома больше полумесяца, даю тебе три дня отпуска, ступай домой. — Цяньлун махнул рукой, и Фу Линъань, отдав положенный поклон, удалился.

— Император пожаловал!

Во Дворце Куннингун только что накрыли трапезу, Императрица собиралась взять палочки, как вдруг евнух доложил о прибытии Императора.

Служанки и евнухи Дворца Куннингун тут же сменили выражения лиц на радостные и праздничные. Обычно Император предпочитал обедать либо во Дворце Яньсигун, либо в Зале Успокоения Сердца, а во Дворец Куннингун заглядывал разве что первого и пятнадцатого числа месяца, да и то без трапезы — для галочки, посидит немного и уйдёт. И вот сегодня государь соизволил явиться лично, как тут же не напрячь все силы до единой, чтобы услужить ему?

Императрица же держалась куда спокойнее: без дела в гости не ходят, интересно, зачем это Император пожаловал в её Дворец Куннингун?

Она уже давно не была той женщиной из прошлой жизни, что без остатка отдавала всю себя мужу. Теперь она стремилась лишь вырастить Юнци и уберечь тех, кто был ей дорог. А всякие любовные страсти вовсе не соответствовали её возрасту. Раз она вела себя тихо и благопристойно, разве могла её жизнь сложиться дурно?

— Ваш покорный слуга приветствует Ваше Величество. — Настроение Цяньлуна, переступившего порог Дворца Куннингун, в корне отличалось от прежнего. Он уже протянул руку, чтобы поднять Императрицу, как та заговорила первой:

— С чего это Ваше Величество сегодня вспомнил о моих покоях?

— Что такое, неужто Императрица мне не рада? — Цяньлун нахмурился, услышав её слова.

Другие наложницы только и делали, что умоляли его прийти к ним, почему же в словах Императрицы читалось обратное?

— Что вы, я не смею. Просто Ваше Величество уже столько времени не ступал на порог Дворца Куннингун, оттого я и удивилась.

М? Императрица что, ревнует, что он к ней не заглядывает? Цяньлун уже было собрался оправдаться, но тут Императрица добавила:

— Да я шучу. Ваше Величество, должно быть, ещё не обедали? Раз уж заглянули, не соизволите ли оказать честь и разделить со мной трапезу? — с мягкой улыбкой произнесла Императрица. Если бы кто сказал, что она не испытывает к Цяньлуну никаких чувств, это была бы ложь. И если государь настроен на примирение, она не станет ломать комедию.

Глядя на такую Императрицу, Цяньлун почувствовал некую новизну. В этот миг ему показалось, будто они вернулись в те дни, когда их души жили в полном согласии. Тогда они были так близки, и он каждый день обещал с Императрицей, кажется, прошло уже лет шесть-семь с тех пор?

— Раз уж сама Императрица меня приглашает, я с удовольствием принимаю твоё предложение.

Нянька Жун, глядя на то, как её хозяйка и государь мило беседуют друг с другом, расплылась в улыбке до ушей. Ей ли было не знать, что творится в сердце Императрицы? Она лишь надеялась, что они помирятся, а лучше — родят ещё одного маленького принца в компанию двенадцатому царевичу, тогда их счастье станет полным.

Императорская чета с удовольствием пообедала, а после уселась в стороне пить чай.

— Давно я не ел блюд из Дворца Куннингун. А жареная баранина в твоих покоях всё так же хороша, вкуснее не найти, — с ностальгией произнёс Цяньлун. Когда-то его любимым блюдом была именно баранина с маленькой кухни Дворца Куннингун, и он всегда съедал на порцию больше обычного. Вот только Императрица постоянно осаждала его правилами предков о том, что нельзя есть больше трёх ложек одного блюда, слово за слово, и он перестал сюда заглядывать.

Императрица мягко улыбнулась:

— Если Ваше Величество так любит это блюдо, впредь я буду велеть няньке Жун присылать его вам хоть каждый день.

Нянька Жун стояла неподалёку и едва не задохнулась от таких перспектив. Приходилось признать: в некоторых вещах её госпожа и вправду уступала Консарту Лин. Раз государь любит

поесть, так пусть сам сюда приходит, почему же старой женщине опять достаются такие хлопоты?

Цяньлун тоже слегка растерялся и не сразу нашёлся, что ответить, ведь он-то рассчитывал впредь обедать у жены каждый день.

— Кхе-кхе, Императрица, а ведь нянька Жун уже в возрасте, ноги её не всегда слушают. Зал Успокоения Сердца совсем близко от Дворца Куннингун, я и сам могу сюда заходить.

— Благодарю Ваше Величество за заботу! — Морщинистое лицо няньки Жун расцвело хризантемой. Дело пахло успехом: похоже, появление новых принцев и принцесс не за горами!

— Ах да, Императрица, мальчик Линъань вернулся из Цзинани. Цзывэй действительно оказалась моей дочерью от Сяо Юйхэ.

— Поздравляю Ваше Величество с обретением ещё одной возлюбленной дочери, — уголки губ Императрицы чуть приподнялись. Фу Линъань полностью оправдал звание молодого генерала — дела вершит с поразительной скоростью.

— Вот только с титулом для принцессы... Я долго думал, но так ничего и не придумал. У тебя есть идеи, Императрица?

Императрица сделала вид, что погрузилась в раздумья:

— Ваше Величество, как насчёт принцессы Минчжу?

— Бесценная жемчужина на ладони... Цзывэй — это дар, оставленный мне Юйхэ, самая благородная принцесса Великой Цин, разве она не есть та самая затерянная в народе жемчужина?

— Императрица, а ведь прекрасный титул! Я щедро награжу тебя, чего бы тебе ни захотелось? — Цяньлун, стоило ему обрадоваться, любил осыпать людей подарками. Стоило признать, этот придуманный Императрицей титул пришёлся ему по сердцу.

— Ваше Величество, я ношу звание матери государства и не смею требовать наград за то, что входит в мои обязанности. Но у меня есть одна просьба о милости, — Императрица опустилась на колени и поклонилась Цяньлуну.

Цяньлун отпил глоток чая:

— И о чём же просит Императрица?

— Ваше Величество, я хочу признать Сяо Яньцзы своей приемной дочерью.

Глава одиннадцатая. Лицом по твоей подошве?

Императрица опустилась на колени перед Императором, её взгляд излучал непоколебимую решимость.

— Ваше Величество, Сяо Яньцзы искренна и добра, она принесла в мои покои столько радости. Прошу вас, позвольте ей стать моей приёмной дочерью, это станет и для меня некоторой отрадой.

В сердце Императора промелькнуло колебание: Сяо Яньцзы была живой, чистой, отважной и доброй, к тому же приходилась названной сестрой Цзывэй, и он сам был не прочь сделать её своей дочерью. Но стоило вспомнить сановников при дворе, и он засомневался — вряд ли те воспримут это легко.

Императрица заметила нерешительность на лице Цяньлуна:

— Ваше Величество, моя пятая принцесса умерла в младенчестве, если бы была жива, ровесницей Сяо Яньцзы пришлось бы, не иначе... — Императрица вспомнила свою несчастную девочку, и сердце её вновь пронзила острая боль.

Глядя на скорбное лицо жены, Император почувствовал к ней прилив нежности. Их общие пятая принцесса и тринадцатый царевич умерли детьми, а нынче у Императрицы под крылом остался лишь один двенадцатый царевич. Подумаешь, удочерить девочку! Разве он, государь великой державы, не в силах принять такое решение?

В конце концов Цяньлун уговорил сам себя:

— Сяо Яньцзы рискнула жизнью, чтобы доставить письмо для Цзывэй и помочь мне вернуть дочь. К тому же она не прельщается дворцовой роскошью — поистине хороший ребёнок. Раз так, пусть будет по твоему, удочери её.

— Благодарю Ваше Величество за милость! — искренне поклонилась Императрица, после чего при помощи няньки Жун поднялась на ноги.

— Ну а что до титула для Сяо Яньцзы, Императрица, выбирай снова ты, — Цяньлун погладил бороду. Пусть она и приемная дочь Императрицы, но раз уж Сяо Яньцзы вернула ему любимую дочь, в положенных почестях он не откажет.

— Благодарю Ваше Величество. Раз уж Сяо Яньцзы помогла Вашему Величеству вернуть принцессу Минчжу по имени Цзывэй, не дать ли ей титул Хуаньчжу? — Императрица решила оставить за девушкой её прежнее именование из прошлой жизни.

Император посмотрел на Императрицу взглядом, полным восхищения:

— Хуаньчжу, Минчжу... Моя Императрица и вправду остра на умы, этот титул пришёлся как нельзя кстати!

Императрица опустила голову в знак благодарности, а губы её тронула спокойная улыбка:

— Благодарю Ваше Величество за похвалу. Столько лет находясь рядом с Вашим Величеством, я просто обязана была немного вырасти над собой.

— Ха-ха-ха, всё-таки Императрица понимает меня лучше всех! — Цяньлун сиял от восторга: впервые в жизни он чувствовал, что Императрица до такой степени отвечает его вкусам.

Мысленно Императрица закатила глаза, гадая, сколько же раз государь произносил эти слова разным наложницам, причем, на её лице не дрогнул ни один мускул.

Нянька Жун, видя, как царственная чета смотрит друг на друга полными любви глазами в столь тёплой и гармоничной обстановке, тихонько выскользнула за дверь.

Наступила ночь, дворец озарился яркими огнями. Узнав, что Император отправился ужинать к Императрице, Консорт Лин помрачнела лицом, а в её глазах заплескался гнев.

С глухим стуком чашка из рук Консорта Лин со звоном разбилась о пол, разметав осколки во все стороны. Приближённые в ужасе уставились на эту сцену, не смея даже громко вздохнуть, чтобы случайно не навлечь на себя гнев госпожи.

Впрочем, выражение лица Консорта Лин мгновенно разгладилось, словно ничего и не произошло. Её голос остался прежним — мягким, но в нём сквозила ледяная нотка:

— Уберите тут. — Слуги поспешно бросились вперёд и, опустив головы, принялись тщательно собирать осколки.

Она прекрасно видела, какое значение придаёт Император этой принцессе из народа. Консорт Лин надеялась порадовать государя, а вышло, что Сяо Яньцзы оказалась самозванкой, да ещё и свергла её в немилость — государь уже столько дней не заглядывал во Дворец Яньсигун.

Изначально она планировала перетянуть на свою сторону Цзывэй, ведь та приходилась Сяо Яньцзы названной сестрой: начать с Сяо Яньцзы, а дальше действовать постепенно.

Но седьмая и девятая принцессы были ещё слишком малы и требовали постоянного присмотра, да к тому же больная Сяо Яньцзы окончательно связала ей руки.

Поэтому, когда Императрица предложила переселить Сяо Яньцзы во Дворец Куннингун, Консорт Лин согласилась без малейших колебаний, никак не ожидая, что этот шаг целиком и полностью привяжет к Императрице сердце государя.

Раньше Императрица держалась с таким высокомерным достоинством, вела себя тихо и незаметно, презирая борьбу наложниц за внимание государя. А теперь вот сама искусно ввязалась в погоню за монаршей милостью! Раз государь не идёт в её Дворец Яньсигун, а предпочитает покои Императрицы, Консорт Лин не могла с этим смириться. Теперь вся её надежда оставалась на то, что Эركان проявит себя с лучшей стороны.

Семья Фу принадлежала к роду бобовых слуг и высоким происхождением похвастаться не могла. Единственным кратчайшим путём к изменению положения было женитьба на принцессе. Изначально у Эркана с княжной Цин, что прислуживала Лао-фо-е, имелась негласная договорённость, но раз императорского указа о браке ещё не последовало, всё оставалось поправимо.

Пусть княжна Цин и пользовалась любовью Лао-фо-е, в конце концов она оставалась круглой сиротой, да и Лао-фо-е была уже на склоне лет — сколько ещё она сможет защищать девушку? Не то что та принцесса из народа, являющаяся истинной плотью и кровью Императора, к которой тот испытывал глубокое чувство вины за годы разлуки. Стоило взять под контроль Цзывэй, и разве пришлось бы переживать о нехватке государевой любви?

Эركان же был одарённым юношей, истинным драконом среди людей.

<http://bllate.org/book/22028/2290202>